

Сергей СУЛЯК

КАЗАК АНДРЕЙ СУЛЯК (к вопросу об участии выходцев из Молдавии в гайдамацком движении 1734 г.)

Выходцы из Молдавии (русины и молдаване), называемые волохами (молдаванами), что указывало на их государственную принадлежность¹, активно участвовали в общественно-политической жизни Украины, начиная с эпохи Богдана Хмельницкого.

В войсках Хмельницкого еще в первый год восстания (1648 г.) при осаде Львова действовал молдавский полк, состоявший из уроженцев Молдавского княжества. В битве у Берестечка в 1651 г. на стороне казаков сражалось 4000 молдаван². В 1655 г. в Брацлавском полку при полковнике Василии Дрозде, по сведению киевского воеводы, служило «много ...волох и сербов»³. Многие уроженцы Молдавии (волохи и русины) занимали в казацком войске руководящие посты: Сила Волошин, Мудренко и т. д.⁴

После захвата Подолии и Украины (Брацлавщины и Киевщины) турками в 1672 г. эти земли пришли в полное запустение⁵. В 1681 г. турки назначили гетманом захваченных ими Подолии и казацкой Украины молдавского господаря Георгия Дуку. Его недолгое правление (1681-1683 гг.) привело к увеличению количества выходцев из Молдавии на левобережье Днестра⁶.

Бахчисарайский мирный договор 1681 г. между Россией и Турцией, а затем Вечный мир (мирный договор о разделе Гетманщины между Россией и Польшей) 1686 г. предполагали оставить данные территории в запустении⁷. Однако пустовавшие земли начали заселяться еще во времена правления Дуки. Когда территория отошла к Польше, она также была заинтересована в колонизации Украины и в создании казацких полков для борьбы с турками и татарами.

Многие выходцы из Молдавии становятся казацкими старшинами. В 1665 г. с «товариством хоругвей волоских» в 500 чел. пришел Родион Григорьевич Дмитрашко (Думитрашко). Через два года он стал полковником брацлавским, а затем переяславским. Вместе с племянником Марком в 1673 г. был нобилитован польским сеймом шляхтичем герба «Сас» (*русинско-волошский и польский шляхетский герб, известный в Карпатской Руси с середины XIII в. Начальная форма «Драг - Сас». — С.С.*). В 1711 г. на Левобережье перешел пыркэлаб

(начальник крепости) Сорок (1704 г.) Семен Афендик с сыновьями Степаном, Николаем, Антоном и Иваном. С. Афендик сначала стал охотничьим (волошским) полковником, а в 1712–1716 гг. командовал Переяславским полком, где служили и его сыновья. Он является основателем самой большой в Гетманщине династии сотников.

В казачьих полках служили уроженцы Молдавии братья Танские – Антон (переселился в 1670-х гг.), Василий (с 1706 г.), Иван и Михаил Михайловичи. Антон с 1704 по 1710 г. был компанейским полковником. Компанейские (охочекомонные) нерегулярные казаки в военное время составляли целые полки, в противоположность постоянным, реестровым казакам, набирались из людей охочих, свободных, молодых и способных к кавалерийской езде (*комонь по-древнерусски – конь. – С.С.*). В 1710 г. он стал полковником белоцерковским, а с 1712 по 1742 г. – киевским. Василий – компанейский полковник в 1708-1715 гг., в 1726-1735 гг. – полковник Переяславского полка. Иван – компанейский полковник в 1709 г., Михаил – в 1739-1746 гг. был полковым обозным Нежинского полка. Их отец Михаил Танский в 1633 г. был брацлавским полковником и шляхтичем герба «Наленч»⁸.

Деятельное участие в формировании казацких полков на левобережье Днестра принимал фастовский полковник Семен Палий. Сюда прибывали поселенцы из Запорожья, Молдавии и других мест. В 1688 г. С. Палий, гетман войска Запорожского на Правобережной Украине Самойло Самусь, полковники корсунский Захар Искра и брацлавский Андрей Абазин (последний – выходец из Молдавии⁹) начали борьбу против польских панов. В 1702 г. восстание охватило земли между Бугом и Днестром. В январе 1703 г. поляки выслали войско для подавления восстания, и многие казачьи отряды и крестьяне укрылись в Молдавии¹⁰.

В Инструкции дворян Подольского воеводства послан к коронному польскому гетману с просьбой о помощи против восставших крестьян, казаков и молдаван от 20 сентября 1702 г. указывается: «Против нашего воеводства продолжается натиск не только со стороны мятежного крестьянства; перебежчики с молдавской стороны, а также из-за Днепра занимаются этим [набегами] и помогают им [мятежникам]. Поэтому они [посланцы] должны будут просить воеводу Бельцкого, чтобы он сообразовал, пользуясь своим авторитетом, написать его светлости господарю Молдавии, дабы тот сообразовал прекратить своим приказом подобную дерзость»¹¹.

В феврале 1703 г. великий коронный гетман Любомирский попросил молдавского господаря Константина Дуку выдать людей из Молдавской земли, принимавших участие в восстании казаков и возвратившихся после разгрома восстания в Молдавию¹².

В марте того же года шляхта Подольского воеводства послала к молдавскому господарю послов, которые, согласно данной им инструкции, потребовали от господаря выдачи крестьян, бежавших в Молдавию после усмирения восстания, наказания молдавских подданных, принявших участие в восстании, выдачи скота, захваченного молдаванами из пограничных подольских сел, и приказа молдавским начальникам удовлетворять жалобы подольских дворян¹³.

В ответном письме молдавский господарь заявил, что не выдаст беглецов, пока ему не будут выданы молдаване, поселившиеся в Подолии и Украине и поступившие в польское войско. Уроженцев же Молдавии он будет судить сам, если подольские дворяне представят ему доказательства их вины¹⁴.

Таким образом, молдавский господарь не захотел выдавать беглецов, учитывая тот факт, что Молдавия также испытывала недостаток трудовых ресурсов¹⁵.

В феврале 1703 г. польский коронный гетман Синявский объявил амнистию для крестьян, уцелевших в Подолии и укrywшихся в Молдавии. После отхода основной части польских войск население начало возвращаться и, изгнав оставшиеся войска поляков, подчинилось С. Палию. Прежние казачьи полковники приступили к формированию полков, небольшие крестьянские отряды продолжили вести военные действия против шляхты. Переселились на данную территорию и уроженцы Молдавии. Постепенно были восстановлены семь казачьих полков. Во главе Могилевского полка стал Савва Волошин, один из крестьянских предводителей восстания 1702 г., возвратившийся из Молдавии¹⁶.

С началом Северной войны Россия на основании Нарвского договора между Речью Посполитой и Россией о союзе против Швеции (1704 г.) совместно с Саксонией развернула военные действия на польской территории.

По условиям Прутского (12 (23) июля 1711 г.) и Адрианопольского (13 (24) июня 1713 г.) мирных договоров с Турцией Россия должна была вывести свои войска с территории Польши, в том числе из правобережной Украины. 23 сентября 1711 г. Петр I издал указ белоцерковскому полковнику Антону Танскому, по которому казакам надлежало оставить заднепровскую Украину и с полками, старшиною, казаками и с их женами, детьми, движимым имуществом перейти в Малороссию - «в тамошние полки, где кто пожелает». Также «со всех местечек, сел, деревень обитателей перевести в Малую Россию, и тем землям быть в пусте всегда, и на оных полякам никаких людей не селить». Указ был исполнен¹⁷. Переселение завершилось к 1714 г.¹⁸

После массового выселения населения на левобережье Днестра, отмечает А.Я. Ефименко, край сделался польским: Россия отказалась от притязаний на него, он был открыт для польской политики и польского права, немногочисленное местное население не могло уже оказать сопротивление полонизации¹⁹.

Возвратившаяся шляхта вынуждена была привлекать население из других областей Польши (в частности, из Галичины), уроженцев Молдавии, раскольников (филиппонов (липован)) и т. д.²⁰ Их прельщали обещаниями освобождения от многих повинностей сроком от 15 до 30 лет (причем, более короткие сроки устанавливались в Подолии, а длинные – в Киевщине)²¹.

Шляхта становилась польской и католической, чуждой массе крестьянского населения. На первый план выдвинулись магнаты Потоцкие, Чарторыхские, Любомирские, Ржевуские, Яблоновские²².

Со временем положение «живого реманента» (инвентаря) становится невыносимым: к середине XVIII в. повинности холопов в Подолии в переводе на рабочие дни превышали 100 годовых дней (иногда 200 и больше), на Волини положение было еще хуже, чуть лучше – на Киевщине и Брацлавщине²³. К экономическому бесправию добавлялось религиозное – повсеместно навязывалась уния. Это тоже вызывало сопротивление местного населения²⁴.

По мнению В.Б. Антоновича, в начале XVIII ст., первоначально – на Волини и в Подолии, в виде разбоя и сопротивления панским порядкам появляется гайдамачество. О первых признаках его зарождения говорят акты волинских поветов времен Шведской войны. С 1713 г. в Подолии и Брацлавщине происходит ряд нападений на купцов-евреев, панские дворы, местечки и т. д. Часто их виновниками становились местные крестьяне, сами шляхтичи, предпочитавшие грабеж более мирным занятиям, иногда запорожцы. Термин **гайдамаки** появляется в универсале, разосланном жителям всего края в 1717 г. назначенным региментарем Украинской партии (т. е. военным начальником украинских воеводств) Яном Галецким. В универсале этом региментарь говорит следующее: «Милостивых панов моих, господ помещиков, всех вообще усиленно прошу немедленно извещать моего наместника пана Ольшевского о пребывании своевольных "куп гайдамацкой сволочи", где бы таковые ни находились, особенно же в воеводстве Брацлавском и части Киевского, то есть в Украине, вовсе их не охраняя; особенно же панов губернаторов (т. е. управляющих) и войтов прошу обратить внимание на то, что они будут отвечать перед Речью Посполитою в случае, если обнаружится связь кого-либо из них с своевольными людьми».

Под гайдамаками вначале подразумевали разбойничьи отряды, появившиеся в правобережной Украине в начале XVIII в. Название это стало применяться к крестьянским движениям только к первой половине этого столетия, когда около ядра, образованного гайдамаками-грабителями, мало-помалу сгруппировались беглые или недобольные крестьяне. Первый раз такой характер, с ясным преобладанием элементов борьбы народной и сословной, гайдамачество принимает только в 1734 г.²⁵

Гайдамацкое движение расширилось с окончанием сроков освобождения крестьян от повинностей. С началом крестьянских волнений польская шляхта Подолии и Брацлавщины стала организовывать специальную милицию из волохов (панская милиция, как правило, набиралась из свободных людей – молдавских колонистов и бедной шляхты²⁶), предоставляя им на льготных условиях землю.

Выходцы из Молдавского княжества довольно быстро сживались и рождались с местным населением и не только не препятствовали, но и сами принимали активное участие в гайдамачестве²⁷.

Началу гайдамацкого восстания 1734 г. послужила междоусобица в Речи Посполитой. В начале 1733 г. скончался Август II, курфюрст Саксонии, король Польский и великий князь Литовский. При выборе нового короля сейм разделился на две части: большую – сторонников Станислава Лещинского и меньшую – Августа III, курфюрста Саксонии, сына Августа II. Россия поддержала кандидатуру Августа, не желая усиления Франции (французский король был зятем Лещинского). Русские войска вошли на территорию Польши. Большинство польских дворян юго-западного края приняло сторону Лещинского, были образованы конфедерации в Волинском, Подольском, Киевском и Брацлавском воеводствах²⁸. Причем большая часть магнатов в этих воеводствах принадлежала к сторонникам кандидатуры Августа III. Между шляхтой и крупными землевладельцами началась гражданская война. Обе стороны привлекали к участию в этой борьбе крестьян. Шляхтичи подбивали на бунт население во владениях магнатов, нападали на их усадьбы своими отрядами. Некоторые из них под видом политической борьбы собирали небольшие отряды из крестьян, казаков, бездомной шляхты и занимались грабежами. Крупные землевладельцы использовали против шляхты надворную милицию (казацкую и волошскую)²⁹.

В конце 1733 г. в Правобережье вступил русский корпус князя Шаховского «для разорения местности сторонников Станислава Лещинского». Значительная часть войск отправилась в глубь Польши, некоторые отряды, в большинстве из малороссийских казаков, остались в Волинском, Подольском, Киевском и Брацлавском вое-

водствах для противодействия сторонникам Лещинского. Население, видя борьбу русских войск со шляхтой, решило, что, изгнав ее, русские войска образуют в юго-западном крае казацкие полки, которые войдут в состав Малороссийской гетманщины. Прошел слух, что русские военачальники выдают грамоты от имени императрицы Анны Иоанновны, по которым разрешается грабить и истреблять панов и евреев, присягать ей на верность, а для руководства восстанием отправлены полковник А. Танский и гетман С. Самусь (к тому времени уже давно умерший). Принятие русскими полковниками под свое начало надворных казаков из имений сторонников саксонской партии только укрепляло эти предположения. Запорожцы, прощенные и принятые в русское подданство, стали действовать вместе с русскими войсками против местных шляхтичей. К казакам стали стекаться крестьяне³⁰. Запорожцы, занятые в то время переселением своего коша из Турции в новую Сечь, большой роли в восстании 1734 г. не сыграли. Ядром восстания стали волошские надворные милиции³¹.

Полковник Полянский, заняв Умань, отправил циркуляр начальникам милиций, предлагая совместные действия против партии Лещинского. Этот циркуляр был несколько иначе истолкован милиционерами и крестьянами. Верлан, начальник надворных казаков из Шаргорода (у А.Я. Ефименко - волошский полковник³²), имения Любомирских, получив такой циркуляр, поднял свою сотню, провозгласил себя полковником, стал созывать к себе надворную милицию из соседних имений, вербовать крестьян, раздавать воинские чины. Ополчение он разделил на десятки (учитывая происхождение из отдельных сел), каждый десяток избирал себе начальника. Десятки вносились в реестры казацкого войска. Верлан объявил, что он получил именной указ от русского полковника, в котором предписывалось истреблять иноплеменников - поляков и евреев, а после их уничтожения край перейдет к России. Он привел свой полк к присяге на верность императрице Анне Иоанновне. В его лагерь стали стекаться надворные казаки, жители волошских военных поселений, гайдамацкие ватажки, запорожцы, крестьяне, бедные шляхтичи, церковные причетники. Верлан со своим войском прошел по Брацлавскому и Подольскому воеводствам, истребляя шляхту и евреев, приводя местное население к присяге. Он занял Броды, Жванец, пустил свои загоны по направлению к Каменцу и Львову³³.

В одном только Брацлавском воеводстве было убито 90 владельцев поместий. Гайдамаки грабили костелы, католические святыни, имущество крупных панов, евреев, которых также принудительно заставляли креститься, уничтожали ценные бумаги. Как отмечает А.Я. Ефименко, большую жестокость проявляли волохи³⁴.

После безоговорочной капитуляции Данцига 26 июня (7 июля) 1734 г. дело Лещинского было проиграно, а сам он бежал в Пруссию. Первыми к русскому командованию явились с повинной дворяне украинских воеводств. По мере того как они давали свое согласие на избрание Августа III, они просили русское военное командование усмирить крестьянские волнения. 1 июля русский главнокомандующий Людвиг Гессен-Гомбургский издает манифест «К обывателям Речи Посполитой, признавшим власть его величества короля Августа III», в котором обещает принять строгие меры против тех «регулярных и нерегулярных русских ополчений», которые своевольно наносят обиды мирным гражданам. Шляхта намек поняла и поспешила отправить в штаб-квартиру командующего делегацию, которая озвучила отказ от кандидатуры Лещинского. 1 ноября во втором манифесте командующий заявил, что все скопища крестьян уже разогнаны и дворянам дозволяется арестовать всякого русского солдата или казака, не имеющего официального отпуска от своего начальства, и в случае сопротивления убить его. Отряды русской армии были разосланы для подавления восстания, поимки беглых. Внушавшие подозрение были направлены в польские суды, которые приговаривали их к казни или другим взысканиям³⁵. Наказания зачастую были относительно мягки, так как шляхта хотела сохранить своих крепостных³⁶.

После поражения восстания крестьяне, опасаясь расправ, шли в гайдамацкие отряды. Начальники польских войск и крупные землевладельцы стали зазывать их в надворные милиции и создали из них несколько казачьих полков, приведенных к присяге на верность Речи Посполитой³⁷.

Зачинщики восстания во главе с Верланом со своими отрядами, большей частью состоявшими из волохов, ушли в Молдавию и унесли с собой награбленную добычу. Несмотря на требования о их выдаче, молдавский господарь только возвратил брацлавским и подольским шляхтичам часть награбленного. Другие восставшие, в том числе и множество крестьян, бежали в татарские и запорожские степи и организовывали там многочисленные отряды³⁸.

В марте 1735 г. сеймик Брацлавского воеводства обложил волошские села податью, другой сеймик в сентябре решил уничтожить волошские поселения и постановил просить короля и правительство «выбросить за границу государства враждебную гадину, вскормленную хлебом нашего отечества», и вместо волохов поселить на их землях небогатых шляхтичей. Как отмечает В.Б. Антонович, с этого времени количество волохов значительно сократилось, и население из их слобод перешло обратно на родину через Днестр³⁹.

Партизанское движение против польских войск продолжалось в 1737-1738 гг. Оно прекратилось после перехода на польскую сторону сотника Саввы Чалого⁴⁰.

Среди судебных актов процессов над гайдамаками есть несколько интересных подробностей, показывающих организацию гайдамацких отрядов. В процессе над участниками восстания А. Суляком, Г. Воробцом, П. Демьяновичем значится «Реестр его милости пана Стефана Кифы и всей роты его» (у К. Мельника - «и целой компании его великой»⁴¹ - С.С.). К сожалению, число восставших в нем неполно, так как, по словам А. Суляка, он перестал составлять списки, когда количество примыкавших к отряду крестьян стало велико. Как отметил К. Мельник, силы повстанцев состояли из двух главных элементов: казацких сотен, стоявших отдельно, и восставших крестьян, которые вместе с молдаванами образовали отдельный корпус более 1000 чел., носивший общее название **волохи** и не смешивавшийся с казаками. Волохи делились на десятки, а не на сотни, как казацкие полки. Их было, по меньшей мере, 14. Каждый десяток носил название того поселения, жители которого в нем преобладали. Было по несколько десятков с одним названием, но разными предводителями. Они следовали один за другим по важности и значению, численность их не обозначена.

Тот же документ дает представление, как отмечает К. Мельник, о военной дисциплине: «Его Императорского Пресветлого Величества войска назначается его милости господину Стефану ротмистру и команде его, десятникам в войске его, непослушным кара войсковая: если кто без ведома десятника из войска отлучится, то таковому кара пятьдесят палок и перед значком три дня пешком идти и воды гарнец выпить. Под сим подписывается Верлан - полковник. Сия кара назначается всем офицерам, и десятникам, и черни. При сей же подписи руки моей: первый - десятник Шпак, второй - Трыненко, третий - Гордий Любаран, четвертый - Григораш Кукуца, пятый - Моисей Рынгач, шестой - Заяц Шиндоровский, седьмой - Васалатей Уретьый, восьмой - Семен Щербина, девятый - Юрий Герца, десятый - Таказий Маймескул, одиннадцатый - Григорий Коперсак, двенадцатый - Дорош, тринадцатый - Орел, четырнадцатый - Григораш Дрымко».

Полк Верлана, довольно многочисленный, сложился на левобережье Днестра (Приднестровье), здесь же сосредоточилась и главная его деятельность. Получив вместе с другими циркуляр русских властей, приглашавший его действовать заодно с русскими войсками против сторонников Лещинского, Верлан понял его по-своему. Согласно указанному документу, Верлан начал с того, что привел к присяге на верность русской императрице своих казаков, воло-

хов и всех начальников, примкнувших к нему добровольно; других привлек насильно, как, например, Стефана Скорича из села Сербов, имения того же князя Любомирского. После присяги Верлан отпускает их обратно, а команды оставляет у себя. Если кто-нибудь из крестьян уклонялся от участия в восстании, его принуждали к этому, отнимая скот и имущество, которые возвращали только после того, как он поступал в полк. Сформированное таким образом войско не получало жалованья, а жило за счет грабежа. За короткое время Верлан прошел из конца в конец Брацлавское и Подольское воеводства, повсюду истребляя поляков и евреев и поднимая народ; затем он перенес свою деятельность на Вольту и дальше, оставив на месте несколько отрядов, в том числе и отряд Кифы, которые продолжали хозяйничать на левом берегу Днестра, заканчивая то, чего не успел сделать полковник. Деятельность этих гайдамацких отрядов характеризуется, главным образом, нападениями на панские имения, изгнанием панов или избиением их в случае сопротивления, разграблением панского имущества и захватом скота и лошадей, в которых особенно нуждались восставшие крестьяне, почти поголовным истреблением евреев, даже женщин; особенно частыми были нападения на еврейских купцов, возвращавшихся с ярмарки с деньгами и дорогими товарами. Не все они заканчивались для евреев смертью: случалось, что гайдамаки брали с них выкуп и даже отпускали их под поручительство местной общины за деньгами за Днестр, где находился главный кагал.

Верлан также призывал к участию в восстании дворян и помещиков, грозя в противном случае разграбить их имения. Некоторые дворяне, руководимые инстинктом самосохранения, являлись в его лагерь, получали охранную грамоту на свои имения и начальство над отрядом гайдамаков⁴².

Представляет интерес введение в научный оборот перевода на русский язык показаний взятых в плен участников гайдамацкого восстания 1734 г. вместе с реестром участников восстания. Ранее публиковались лишь фрагменты переводов данных показаний касательно убийств и грабежа еврейского и польского населения⁴³.

В сохранившемся на польском языке списке участников восстания, найденном у задержанного казака Андрея Суляка, упоминаются имена и фамилии (прозвища) выходцев из Молдавии, несколько их перечисляет М.С. Сергиевский⁴⁴.

Ответы на вопросы, предложенные военным судом взятым в плен казакам: Андрею Суляку, Григорию Воробцу и Петру Демья-

новичу, содержащие подробности о крестьянском восстании. При них приложена часть списка формировавшегося казачьего войска, найденная при одном из пленных. 1734. Июня 18.

**Дня четвертого перед праздником святой Марии Магдалины,
года Божьего 1734.**

«...Дающий показания свободный Андрей Суляк, казак, захваченный разездом яснowelможного его милости пана маршалка подольской конфедерации и сюда, в лагерь под Ормяны доставленный дня восемнадцатого июня тысяча семьсот тридцать четвертого года, признал:

"Я, Андрей Суляк, родился в Стенхниковцах под Збаражем, работающего Гаврилы сын; пятнадцати лет от роду отправился в Охрымовцы под Зиньков, где пребывал более полугода; оттуда пошел в Ходоровцы его милости пана Грушецкого и учился в школе полтора года; потом перебрался с другим дьяком ходоровским в Завалие и там находился недели две, из Завалия забрал меня отец в Чемерисы под Баром, и там пребывал я полгода, из Чемерис отправился в Копайгород, где находился четверть года, оттуда – в Чемерисы Волоские служить дьяком лет пять, откуда в Качковку, Шаргороду принадлежащую, полковника Верлана село, где проживал в должности домашнего учителя полтора года; а потом в Бапчинцах женился и там с женой жил – будет перед Михаилом в воскресенье два года. От полковника московского из Умани, названного Полянко, нынешний наказной казачий полковник Верлан получил приказ такого содержания: «Ея Императорского Величества и прочая, прочая, прочая. Даю ему командование по указу Ея Императорского Величества над волохами, казаками и сербами, чтобы служили Ея Императорскому Величеству до смерти...» (о дальнейшем главном содержании данного универсала больше ничего не помнит). После получения приказа полковник Верлан забрал конных сто тридцать из сёл Качковки, Ольшанки, Кусницы, вотчины Рашковской и двинулся с ними дня тридцатого мая, то есть в воскресенье перед Вознесением, в Бершады; там встретил московского поручика с двадцатью конными москалями и казаков с десять конных, меньше или больше - я на то время еще не был, и сразу стал в поле под Бершадами, два дня пребывая, а оттуда отправился к Умани, и, переночевав две ночи, двинулись в Маньковку на консистенцию (*смотри, формирование подразделения. – С.С.*), там встретили московского капитана с семью конными; четвертого дня вернулись к Умани и там все присягали воевать иноземцев, то есть ляхов, для величия Императрицы Ея Милости, не щадя жизни своей до самой смерти. Присягали в то

время: Верлан, из владения воеводы сандомирского полковник, и Илья, сын его, Кифа, ротмистр из Марковки князя Четвертинского, поручик из Подеймы, из Рашкова, поручик Сава из тех же владений из села Милокиши, Сава, сотник из Комарграда, владения князя Четвертинского, и та рота, которая в особом реестре записана - вместе присягали. После той присяги, выйдя из Умани третьего дня, остановились сначала в Комарграде, и послал полковник Верлан за Скоричем Стефаном, ротмистром воеводы сандомирского, в село Сербы - и его взяли силой, а люди его пошли в Могилёв (*Подольский*. - С.С.) добровольно, и того же дня поймали Михалка Флоринского (*ротмистра*. - С.С.) и привели его в Комарград в пятницу, то есть дня десятого июня. Из Комарграда двинулись в Черниевцы, там переночевав, пошли в Сугаки, где в Сугаках присягали Скорич и Михалко по указу полковника Верлана, по тому же тексту присяги для величия Императрицы; после присяги оба пошли по домам своим, а люди их остались при Верлане. Полковник Верлан из Сугак двинулся с людьми своей команды под село Попелюхи, из-под Попелюх нас отправили раздобыть двадцать коней, другим же приказали взять пятьдесят коней у казаков из тех, которые решили ограбить Староградчину, то есть Саву, комарградского сотника (о котором указывалось выше, что он присягал вместе на веру Ея Императорскому Величеству); об иных конных отрядах не знаю. Мы тогда на двенадцати конях двинулись в Ольчидаев, Татариски, Снитков, однако уже ни одного жида не застали, ибо перед нами были казаки-запорожцы и убили трех жидов, а шестерых выкрестили и сами кумовали; оттуда отправились ночевать в Михалковцы, и сообщили нам люди, что в Кунищеве и Улах есть стада лядские и скот, забрали мы тогда в Улах табун штук в тридцать или более, а в Кунищеве - коней более десятка и скота голов семьдесят; напал на нас польский разъезд вчера перед обедом, коней и скот отбили, иных товарищей наших поубивали, а нас троих взяли живыми и сюда, в лагерь, доставили. Я примкнул сначала к Стефану Кифе писарем и сразу составил реестр рот и их диспозицию, которые сейчас переведены на польский язык, но потом, когда намного больше начало собираться и прибывать людей, уже реестра далее не вёл и, оставив писарство, стал [значковым] товарищем (*т.е. офицером для специальных поручений*. - С.С.). Сейчас в лагере под Перекоринцами в команде Верлана находится волохов, как из Польши, так и заграничных - тысяча, сербов турецких - семь, казаков городовых - сто, уманских - сто, над которыми казаками полковником Писаренко; меж вышеупомянутых волохов всех мы бунтовщиками считаем, и больше всего нас из Шаргородщины, другие из Комарградщины, Уманщины, Бершадщины и других

сёл. Москва (*т.е. русские войска. - С.С.*) находится в Умани, в Бершади, в Лысянке, по несколько десятков конных всего, но говорят и обещают, что должно быть несколько тысяч, и [прибытие] Танского также обещают, но их нет, и, скорее всего, надеяться не надо. Говорят также, что в Немирове должен находиться Самусь, гетман заднепровских казаков, с несколькими сотнями конных; больше о наших в иных местах не слышать. Его милость пан Роговский, комиссар воеводы сандомирского, пока находился в Рашкове, до тех пор и люди еще сидели по домам, но как тот пан Роговский не захотел перейти к москве с несколькими списками хоругвей надворных (*т.е. подразделений надворных казаков. - С.С.*), пришли казаки с москвой, взяли его с деньгами, только тогда наши люди принялись бунтовать, и всё больше их собиралось; и так случается, что постоянно забирают по сёлам скот, а как придут люди за скотом, то возвращают тем, кто будет служить, а кто нет, то скот пропадает. Платы мы никакой не имеем, только нам позволено грабить жидов и ляхов, и жидов разрешают убивать. В Замехове я не был, но знаю, что убили [там] казаки жидов тридцать с лишним; есть тут Петр - невольник, который был в Замехове. Нас так уверяют старшие, что войско наше должно идти к Гусятину, в котором еще не присягали, там должны принять присягу перед священником в Гусятине, но не знаю, когда должны туда двинуться. У нас в лагере так уверяют [посланцы] от москалей, что вся Украина и Русь вплоть до Збруча и Случи собственно Царице Ея Милости принадлежит. Мы спрашиваем полковника Верлана и ротмистра нашего Кифу: куда нас втягивают и какая плата нам будет? Ответил нам полковник Верлан, что есть указ такой императорши и Ея полковника уманского, что до самого Шаргорода грабить нельзя, однако за Шаргородом всюду можно жида или ляха, напав, убить, [а] города, села и дворы грабить. Полковник Верлан рассылал по селам в Старгородщине и иным владениям в Украине [призывы] к шляхте арендной, волохам и [всем], кого считал способными на это, присоединяться к бунтам. Также послал и в село Мервинцы, Шаргороду принадлежащее, к некоему пану Радзиевскому, чтобы присоединился к бунтам, а если не присоединится, то его ограбят. Прибыл тогда к нам этот Радзиевский, получил документ, освобождающий его владения от грабежа, и указ на атаманство от Верлана. Об Орде слышно на Украине, что находится она около Каушан (*в оригинале - Kawszan, вероятно, описка. Каушаны были резиденцией ханов Буджакской орды - С.С.*), но нас уверяют, что Орды не боятся, ибо Императрица писала, чтобы Орда не вмешивалась. Дающий показания Андрей Суляк собственной рукой подписывает: Андрей Суляк".

Второй дающий показания, Григорий Воробец, бунтовщик, также разъездом захваченный и сюда, в лагерь, доставленный, сознался:

"Родился я в Сobotовке, к владениям Яруцкого, ясновельможного его милости пана кастеляна (*управляющего замком и окружающей территорией*. - С.С.) брацлавского принадлежащей. Смолоду был при шурина своём, пас овец и скот, там же женился уже десятый год; оттуда перебрался в Бапчинцы, владение воеводы сандомирского, и жил там года три. Полковник Верлан, получив указ в Умани принести присягу, сразу нам сообщил, чтобы мы собирались вместе, а если кто не пойдёт, того позволял грабить. И когда меня ограбили, я вынужден был идти искать забранный свой скот и там оказался, когда во всем нашем войске не слышно было о войске польском, и рассказывали волохи из Ягорлыка, что войско польское москва рассеяла; только тогда услышали, и знаю, что когда Скорич доведается (тот, которого силой забрали к Верлану), то прибудет сюда. Прибыли мы тогда с войском в Попелюхи, и послали оттуда нас двенадцать забирать стада в Улах и Кунищеве; командовал нами Теодор Мироненко, волошин из Бапчинец. (Здесь отметим: как на них разъезд польский напал, коней и скот у них отбил и одних из них убил, а других захватил, - согласно с первым [дававшим показания].) В Замехове не был ни я, ни Суляк Андрей, мы жидов не убивали, только слышал я об этом из уст самого Петра, который был в Замехове и убивал жидов, и еще рассказывал, что насилие учинили «Кифовы вояки». Когда его привели, то крестьянин из Замехова узнал его - бывшего в Замехове и чинившего насилие над женщинами, и сапожки у них с ног стягивавшего; что жидов убивал и грабил, за что и другие люди на него указывали, и там его палкой несколько раз ударил. Мы отаборились в то время под Попелюхами, оттуда должны были идти под Перекоринцы; всего войска, состоящего из работников винокурен, пасечников и крестьян-бунтовщиков, а также волохов - тысяча, но мы все зовёмся волохами, сербов пять или больше - их Верлан силой забрал в бунтовщики. Где только идет войско наше через чьи владения, повсюду одни добровольно присоединяются, а других силой забирают; от нашего пана мы не получали никакого приказа бунтовать, но полковник Верлан нас к этому понудил, говоря, что Императрице уже вся Украина отдана, и доходы от всех имений ей идут, и аренды. Втягивающимся в бунт никакой платы не обещали, но «как королевич коронуется и станет королем, то будете иметь жалование». До самого Шаргорода не разрешено нам грабить, но за Шаргородом разрешили жидов, ляхов грабить, убивать. В Умани, в Бершади, слышал, есть москали, а в Немирове, знаю, их нет, только о Самусенке слышно, что должен находиться в Немирове; в Межибоже сколько может быть москвы? Не слышал, так как от них в нашем лагере не было никаких известий. Войско наше, не слыша о поляках

и никаких известий о них не имея, должно двинуться в Гусятин. Временами, когда мы беседовали в компании, пытаюсь угадать, сколько лет служить придется, старшие нам говорили: семь лет [служба] продлится. В Шаргороде нескольких, в Сниткове троих, в Замехове не знаю, сколько жидов заколото".

Засим дающий показания Григорий Воробец, собственной рукой, как не умеющий писать, поставил святой крест. После начертания святого креста ответил на вопрос: из каких сёл и городов были бунтовщики и как они зовутся? Ответил такими словами: что не может знать, "как кто зовёт в войске нашем бунтовщиков, только знаю, что они из Шаргорода. Что касается ротмистра Савки, мещанина из Комарграда, собравшего человек пятьдесят и отделившегося от войска нашего, то он отдельно пошел, Шаргород и село Сцяна ограбил, в нашем лагере сейчас его не было, и я не знаю, где он крутится". О филипповцах (*русских старообрядцах*. – С.С.): "Филипповцы, которые присягали москалям, отправились в Киев с женами, но те не хотели возвращаться в Москву, убежали в Волощину".

Третий, Петр Демьянович, бунтовщик, также разъездом захваченный и сюда приведенный дня восемнадцатого июня тысяча семьсот тридцать четвертого года: "Я родился в Прилуках за Днепром, во владениях Галагана, наказного гетмана, миль двенадцать за Киевом; с младых лет своих учился за Днепром ремеслу сапожника; оттуда уже с полтора года как отправился к лучшему в ремесле для обучения в Межибож и там у магистра Андрея Слюсаренка работал целый год; из Межибожа пошел в Дунаевцы к магистру Константину, у которого работал две недели. Оттуда пошел в Кунищев и там, пребывая у Иванка Бородатого, сапожничал до самого начала бунтов. К казакам я пристал таким образом: в воскресенье с утра перед [церковной] службой из Михаловцев прибыли казаки в Кунищев. У них я купил клячу за десять злотых и пустил ее пастись. Во вторник снова прибежали казаки и эту лошаде́нку у меня забрали, но я их просил, чтобы мне ее вернули. Обещали отдать мне клячу лишь тогда, когда я пойду с ними в Замехов, и я пошел. Расспрашивали меня о жидах, где они еще могут прятаться, – и в камышах, на берегу пруда, нашли двух жидовок, о которых замеховские крестьяне рассказали. Тогда тех жидовок взяли в город и в городе их зарезали; казаков там было четверо, и я пятый. Оттуда поехали в Кунищев вечером, потому что общество пожаловалось на подстаросту, что крестьянина Москалика безвинно убил: казаки забрали стадо, а он за это того Москалика наказал. Чтобы отомстить, казаки хотели поймать и убить этого подстаросту, но мы его не застали. В воскресенье, когда зарезали жидов тридцать, я не присутствовал, но только слышал; при

убийстве тех жидовок двух я был. Казаки удивлялись: "Что это за казаки, когда после них находят еще ляхов, жидов и ксендзов, вот после нас никого не найдут, ни одного ляха или жида, мы всех их вырежем". Также признал: "Когда меня привели, за Замеховым опознал меня пасечник – что был я на пасеке с казаками и искал жидов, этот же пасечник ударил меня палкой. Также в Замехове жидок выкрещенный выговаривал мне, что я отца и мать его убил. В то время, когда меня вели, встретился мне арендатор замеховский, русин, ныне арендующий. Он бил меня на дороге и ругал меня, что пошел я бунтовать. Мы были в Богушевке и искали арендатора, нас привел тамошний житель, по фамилии Козак, и нашли мы там жида. Тот согласился нам дать семнадцать красных золотых, за него поручилась община Богушевская, чтоб его не убивали, и отвела его община за Днестр, к кагалу за деньгами".

Петр Демьянович, неграмотный, крест святой налагает.

Для дополнительной проверки этих показаний Петра Демьяновича назначены следователи: его милость пан Владислав Кропивницкий, значковый товарищ полка ясновельможного его милости пана маршалка конфедерации Подольской, и помощники: Войцех Тржцинский, Александер Гловацкий и Анджей Фасцишевский. Они признали и в глаза заявили заключенному: первым в Замехове упомянутого Петра заключенного опознал жидок, выкрещенный казаками, что его отца и мать дня позавчерашнего убил пикой. Также Кифор, войт замеховский, сказал, что тот же Петр дочку, которая замужем за дьяком, изнасиловал. Прибежала арендаторша с дочкой из Богушевки к нам и жаловалась на того же Петра, заключенного при нём же, что он ее дочку изнасиловал и был наихудшим убийцей жидов. Нынешний арендатор замеховский, русин, увидев нас, поляков, ведущих невольника, попросил опознать своих обидчиков. Увидев этого Петра, с плачем попросил разрешения у его милости пана Кропивницкого отомстить за кривды своя и ударил его трижды палкой по голове, приговаривая: "За то, что ты, негодяй, жену мою сжёг и дочку изнасиловал". Вот и все его самым жестоким убийцей считали, и в самом деле, при захвате он лучше всех защищался – стрелял и другим самопалы набивал, а потом, подхватив пику с земли, гонялся за солдатами.

Ян Стадницкий, подстолий белзский, маршалек конфедерации воеводства Подольского, подписал собственной рукой. Станислав Петр Телефус, хорунжий и советник воеводства Подольского, собственной рукой. Михал Марковский, писарь земли Подольской, советник, собственноручно. Ежи Багуш из Землиц, подचाший земли Закрочимской, собственноручно, советник.

Перевод на польский язык реестра, руським (*русинским*. - С.С.) письмом написанного, изъятого у казака Андрея Суляка из Бапчинец, владений светлейшего князя воеводы сандомирского, разъездом захваченного, дня восемнадцатого июня тысяча семьсот тридцать четвертого года, в лагере под Ормянами.

"Реестр его милости пана Стефана Кифы и всей роты его, года тысячу семьсот тридцать четвертого, в селе Бапчинцах.

- Поручик Сандул Уретыый из Березовки, имения его милости пана Михала Роговского;

- Иванко Коперсак, хорунжий, из села Сербы князя Любомирского воеводы сандомирского;

- Григорий Коперсак, оттуда же;

- Трофен Щербан, оттуда же;

- Гордий Любаран из села Бапчинцы;

- Григораш Бурага из села Березовки;

- Григор Гавриш из Сербов;

- Матей Пускар (*здесь ошибка писца – Пушкарь. – С.С.*) из Диковки князя Любомирского, воеводы сандомирского;

- Теодор Трыненко из Бапчинец;

- Теодор Цыбульский из Сербов;

- Теодор Чучупака из Бапчинец;

- Лукаш Панкович из Боровки князя Любомирского, воеводы сандомирского;

- Юрий Герца из Березовки;

- Михайло Моравский из Волощины;

- Лукьян Левченко из Бапчинец, шурин Андрея Суляка;

- Таназий Пантелей из Сербов;

- Демьян Зневага из Сербов;

- Дорош Лукиан из Сербов;

- Антений Уретыый из Березовки;

- Иван Маймескул из Березовки;

- Вурсул Любаран из Бапчинец;

- Таназий Маймескул из Березовки;

- Петраш Шульга из Сербов;

- Петро Ворона из Сербов;

- Стефан Бугля из Березовки;

- Кондрат Левченко из Сербов;

- Шимон Черлан из Цекиновки воеводы сандомирского;

- Кошташ Деревянка из Сербов;

- Тымко Масловский из Сербов;

- Левонтий Деревянка из Сербов;

- Роман Пендз – не знает, откуда;

- Игнат Деревянка из Сербов;
- Василь Козаченко из Сербов;
- Григор Воробец, ныне заключенный, из Бапчинец;
- Стефан Куций из Бапчинец воеводы сандомирского;
- Лаврентий Скороденский из Бапчинец;
- Иван Фигарский из Сербов;
- Данило Миронович из Воеводчинцов его милости пана Дзедушицкого;
- Василь Гербар – не знает, откуда;
- Семен Бойко из Бапчинец;
- Мирон Голяк из Волощины;
- Прокоп Козачек из Сербов;
- Федько Береза из Бапчинец;
- Иван Витович из Диковки воеводы сандомирского;
- Максим Мисюрка из Бапчинец;
- Микита Томак из Бапчинец;
- Шимон Кальник из Бапчинец;
- Василь Томак из Бапчинец;
- Миколай Томак из Березовки;
- Теодор Кизильбас из Березовки;
- Иван Коперсак из Сербов.

Далее следует перевод реестра роты того же ротмистра Кифы, разделенной на десятки.

Реестр пана Стефана Кифы и всей роты его большой.

В первой десятке:

- Шпак Захарий;
- Теодор Трыненко, десятник Бапчинской десятки;
- Гордий Любаран, Бапчинской десятки;
- Григораш Кукуца, Цекиновский десятник;
- Ян Моисей Рынгач, Ямпольской десятки;
- Заяц, десятник Шандоровской десятки;
- Юрий Герца, Березовский десятник;
- Таназий Маймескул, Березовской десятки;
- Григорий Коперсак, десятник Сербиянской десятки;
- Дорош, десятник Сербиянской десятки;
- Орел, десятник из Жабокриц (не знает, чьи) десятки Жабокрицкой;
- Григораш Дрымко, из Боровки десятник.

Его Императорского Пресветлого Величества войска назначается его милости господину Стефану ротмистру и команде его, десятикам в войске его, непослушным кара войсковая: если кто без ведома десятичника из войска отлучится, то таковому кара пятьдесят палок

и перед значком три дня пешком иди и воды гарнец (3,28 л. – С.С.) выпить. Под сим подписывается Верлан - полковник. Сия кара назначается всем офицерам, и десятникам, и черни. При сей же подписи руки моей: первый десятник Шпак, второй - Трыненко, третий - Гордий Любаран, четвертый - Григораш Кукуца, пятый - Моисей Рынгач, шестой - Заяц Шандоровский, седьмой - Васалатей Уретьый, восьмой - Семен Щербина, девятый - Юрий Герца, десятый - Таназий Маймескул, одиннадцатый - Григорий Коперсак, двенадцатый - Дорош, тринадцатый - Орел, четырнадцатый - Григораш Дрымко."

Остальные реестры личного состава взбунтовавшихся холопов погибли во время стычки, но еще перед этой стычкой, когда большие толпы начали своевольно собираться каждый день, он уже перестал заполнять реестры, а сам, став [значковым] товарищем, начал следить за грабежами.

После этих признаний в актыовые книги уряда (правительственного учреждения) нынешнего поданных, оригинал [письма] этот предъявитель забрал и в удержании своем и возвращении уряд нынешний удостоверил личным присутствием.

Книга гродская, Каменец-Подольская, записовая и поточная, год 1734-1742, № 3981, лист 13.»⁴⁵

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Суляк С.Г. Уроженцы Молдавии в армии Петра I // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. Вып. 1. 2013. Март. С. 16.

2. История Молдавии. Т. I. Кишинев, 1951. С. 222; История Молдавской ССР. Т. I. Кишинев, 1965. С. 246.

3. Мохов Н.А. Очерки истории молдавско-русско-украинских связей. С древнейших времен до начала XX века. Кишинев, 1981. С. 94.

4. Ермоленко А. Украинско-молдавские отношения (1648-1654) / Воссоединение Украины с Россией. М., 1954. С. 226; Мохов Н.А. Очерки истории молдавско-русско-украинских связей. С. 94.

5. Ефименко А.Я. Очерки истории правобережной Украины / Южная Русь. Очерки, исследования и заметки. Т. I. СПб., 1905. С. 98.

6. Ефименко А.Я. Очерки истории правобережной Украины. С. 101-102; Сергиевский М.В. Молдаво-славянские этюды. М., 1959. С. 109.

7. Ефименко А.Я. Очерки истории правобережной Украины. С. 99.

8. Суляк С.Г. Уроженцы Молдавии в армии Петра I. С. 16-17.

9. Мельник К. На днестровском «побережье» // Киевская старина. Т. 18. 1887. Август. С. 658; Заруба В.М. Козацька старшина гетьманської України (1648-1782): персональний склад та родинні звязки. Дніпропетровськ, 2011. С. 18.

10. Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. Документы и материалы в трех томах. М., 1970. Т. III. 1673-1711. С. 359-360; *Ефименко А.Я.* Очерки истории правобережной Украины. С. 105-106; *Мельник К.* На днестровском «побережье». С. 658-663.

11. Архив Юго-Западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов, высочайше учрежденной при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе (*далее – АЮРЗ*). Ч. 3. Т. II. Акты о казаках на правой стороне Днепра. 1679–1716 гг. / Под ред. В.Б. Антоновича. Киев, 1868. № CLVI. С. 458-459; Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. Документы и материалы в трех томах. Т. III. С. 171.

12. АЮРЗ. Ч. III. Т. II. Акты о казаках на правой стороне Днепра. 1679–1716 гг. № СС. С. 550; Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. Т. III. С. 192.

13. АЮРЗ. Ч. III. Т. II. № ССIV. С. 559-561; *Мельник К.* На днестровском «побережье». С. 664.

14. АЮРЗ. Ч. III. Т. II. № СVIII. С. 567-570.

15. Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. Т. III. С. 360; *Мельник К.* На днестровском «побережье». С. 664.

16. *Мельник К.* На днестровском «побережье». С. 665-666.

17. *Суляк С.Г.* Уроженцы Молдавии в армии Петра I. С. 21.

18. *Мельник К.* На днестровском «побережье». С. 668.

19. *Ефименко А.Я.* Очерки истории правобережной Украины. С. 107.

20. Там же. С. 109; *Кулиш П.* Записки о Южной Руси. СПб., 1856. Т. I. С. 85-86.

21. *Ефименко А.Я.* Очерки истории правобережной Украины. С. 110; *Кулиш П.* Записки о Южной Руси. Т. I. С. 86-87.

22. *Ефименко А.Я.* Очерки истории правобережной Украины. С. 114-115.

23. *Ефименко А.Я.* История украинского народа. Киев, 1990, С. 358.

24. *Ефименко А.Я.* Из истории борьбы малорусского народа с поляками / Южная Русь. Очерки, исследования и заметки. Т. II. СПб., 1905. С. 24-26.

25. *Антонович В.Б.* Предисловие // АЮРЗ. Ч. 3. Т. III. Акты о гайдамаках (1700–1768 гг.) / Под ред. В.Б. Антоновича. Киев, 1876. С. 6, 7, 9, 10, 11.

26. *Мельник К.* На днестровском «побережье». С. 670.

27. Там же. С. 64-65; *Ефименко А.Я.* Из истории борьбы малорусского народа с поляками / Южная Русь. Очерки, исследования и заметки. С. 69-70.

28. *Антонович В.Б.* Предисловие. С. 100-101; *Широкопад А.Б.* Запорожцы - русские рыцари. История запорожского войска. М., 2008. С. 65-66.

29. *Антонович В.Б.* Предисловие. С. 101-102.

30. Там же. С. 103-104.

31. *Ефименко А.Я.* Из истории борьбы малорусского народа с поляками. С. 69.

32. *Ефименко А.Я.* Очерки истории правобережной Украины. С. 135.

33. *Антонович В.Б.* Предисловие. С. 107-108; *Ефименко А.Я.* Из истории борьбы малорусского народа с поляками. С. 71-73; *Дорошенко Д.* Нарис історії України в 2 т. Репринт. 1966 р. Т. II. Київ, 1992. С. 254; *Широкопад А.Б.* Запорожцы - русские рыцари. С. 66.

34. *Ефименко А.Я.* Очерки истории правобережной Украины. С. 136.
35. *Антонович В.Б.* Предисловие. С. 109-110; № XLI. С. 79-80, № LX. С. 106; *Ефименко А.Я.* Из истории борьбы малорусского народа с поляками. С. 75-77.
36. *Антонович В.Б.* Предисловие. С. 111; *Ефименко А.Я.* Очерки истории правобережной Украины. С. 136.
37. *Антонович В.Б.* Предисловие. С. 78; АЮЗР. Ч. III. Т. III. № CXIV. С. 237, № CXVII. С. 241.
38. *Антонович В.Б.* Предисловие. С. 112; АЮЗР. Ч. III. Т. III. № LXIII. С. 110-114, № LXXXVII. С. 167.
39. *Антонович В.Б.* Предисловие. С. 64-65; АЮЗР. Ч. III. Т. III. № LXVII. С. 126, № LXXXVII. С. 176-177.
40. *Дорошенко Д.* Нарис історії України. Т. II. С. 254.
41. *Мельник К.* На днестровском «побережье». С. 670.
42. Там же. С. 670-673.
43. Регесты и надписи. Свод материалов для истории евреев в России. Т. II. СПб., 1910. С. 318-319; *Кандель Ф.* Очерки времен и событий (из истории российских евреев). До второй половины восемнадцатого века. Иерусалим, 1988. С. 166-167; *Широкопад А.Б.* Запорожцы - русские рыцари. С. 66.
44. *Сергиевский М.В.* Молдаво-славянские этюды. С. 122.
45. АЮЗР. Ч. III. Т. III. № XXXVIII. С. 67-76.

Подписка

На международный исторический журнал

РУСИНЫ

объявлена подписка в Республике Молдова

Журнал выходит четыре раза в год

**Подписаться на журнал можно в любом отделении связи
Республики Молдова**

**Отдельные номера журнала можно приобрести
в Общественной ассоциации «Русь»
(тел. для справок (+373 22) 28-75-59)**